

– Коробку побольше выбери, чтоб на крышке цветы красивые, или набережная, например, или Москва-сити. Даже лучше с видом города, пускай полюбуется! И рубашку мне приготовьте белую, ту в которой я орден получать ходил! – дед взволнованно метался по кухне.

– Алиса, ты еще здесь? Да беги же в магазин, мне еще собираться! И смотри, самых дорогих, шоколадных, и чтобы свежие, там, кажется, печать должна стоять.

– Печать! – фыркает Алиса. – Нет, мам, ты слышишь? Впервые на моей памяти дед интересуется годностью пищевых продуктов. Он у нас больше по продуктам жизнедеятельности лабораторных мышей.

– Иди скорее! – машет рукой мать. – Дед и так места себе не находит! Дедом его называют уже давно. Сашка, внук старший, очень любил деда, всегда ждал его с работы, сидя под дверью, и допрашивал всех: «Дед где? Дед?» Так и остался Алексей «дедом». А когда он академиком стал, то и на работе так прозвали.

Алиса столкнулась с Сашей в дверях. В руке сын нес красивый букет красных и белых роз.

– Дед! – с порога кричит в кухню Саша, – Дед, я букет купил – закачаешься!

– В воду, в воду поставь пока! – засуетился дед. – До поезда еще четыре часа. И в темное место, в ванную, или в кладовку.

Светлана с удивлением наблюдала за мужем. Всегда такой уравновешенный, спокойный, уверенный в себе, он сегодня вел себя как мальчишка, молодой, увлеченный, ошарашенный открывшимися перед ним перспективами. Она помнила его таким, она и полюбила его за эту неукротимую энергию, плещущую через край. Сама Светлана никогда не

рвалась к высотам, не стремилась делать карьеру. После рождения Алисы на работу больше не вышла, а когда дочь, едва дождавшись совершеннолетия, выскочила замуж, Светлана занялась воспитанием внуков.

– Может мне пойти подстричься? – вдруг вспоминает дед. – Или сойдет, а, Сашка?

– Дед, мы же с тобой неделю назад стриглись! – Саша уже устроился за столом. – Не комплексуй, ты у нас мужик хоть куда! Давай лучше пообедаем. Бабуль, ты котлетки сделала?

Светлана разлила суп. Сашка принялся сосредоточенно уничтожать содержимое тарелки, дед с отсутствующим видом работал ложкой, по всему видно было, что мысли его далеко.

Вернулась Алиса, положила на край стола огромную коробку конфет с фотографией новой набережной. Фонари на коробке были выпуклые и очень натурально светились.

– Шикарная коробочка, дед, – похвалил Саша, прожевав котлету, – полный отпад! Мне, например, никто такую красоту не подарит!

– А то ты конфет не ел! – возмутилась Алиса. – Бабушка каждый день тебя пичкает то шоколадкой, то мармеладкой.

– Аля, отстань от ребенка! – встала на защиту своего любимца Светлана.

– Зачем ты его дразнишь? Ешь, Сашенька, – она погладила внука по голове, – ешь, маленький! У меня конфетки есть, я тебе сейчас достану.

– Слушай, маленький, – Алиса налила себе супу и присела к столу, – деда мне везти, или ты с ним на вокзал съездишь?

– Я, конечно, – подпрыгнул Саша, – мне нужно тренироваться, правда, дед?

Дед не ответил. Светлана забрала у него пустую суповую тарелку и поставила перед ним котлеты, но он даже за вилку не взялся.

– Дед, а дед, – Саша выруливал со двора. – Пока мы едем, ты расскажи мне про эту Алю.

– Не Алю! – с досадой поправил дед. – Она не Аля, а Алька, ну, то есть, Александра. Ее отец не хотел называть ни Сашей, ни Шурой, придумал вот, Альку. Мы с ней вместе работали. Знаешь ведь, что я после института в Свердловске жил?

– Это который Екатеринбург, да?

– Да, Саша, он самый. Вот мы с Алькой в Екатеринбурге вместе работали. Молодые были, веселились, после работы в кино ходили, в дом культуры...

– На танцы, что ли? – прыснул Саша.

– И на танцы тоже, – усмехнулся дед. – Ты думаешь, что я всегда стариком был?

– Ты, дед, для меня всегда был дедом, – дипломатично отозвался Саша, – но старым ты еще не скоро будешь. Ты пока у нас мужчина в расцвете сил, как Карлсон, который живет на крыше.

Дед и внук смеются: история про Малыша и Карлсона – их любимая.

– Ты рассказывай, дед, – подгонял Саша, – про эту Альку. Она какая? А кто ее муж, а дети у нее есть?

– Она, Саша, – вздохнул дед, – самая красивая, самая добрая, и вообще...

Самая-самая! А про мужа и детей я ничего не знаю, связь с ней мы не поддерживали. Получилось так, что я в Москву уехал, работу нашел, твою бабушку встретил, – завертелось все. В Свердловск я уже не вернулся, никогда больше там не был. – Он опять вздохнул.

– Я понимаю, дед, – прошептал Саша, нацеливаясь на узкую парковку. Они медленно, – времени до прихода поезда еще полчаса, – вышли на перрон. Саша нес букет, а дед огромную коробку с конфетами.

– Вот примерно здесь, да, дед? – Саша показал на лавочку возле таблички «Третий вагон».

Дед положил коробку на скамейку, подтянул отглаженные брюки и аккуратно уселся рядом. Коробку с конфетами он поставил ребром на колени и, ссутулившись, почти совсем скрылся за раззолоченной фотографией.

– Знаешь, Саш, – говорит он неуверенно, – ты, наверное, когда поезд придет, пойдешь погуляй. Алька тебя не знает, может, постесняется при тебе рассказывать... – он долго молчит, потом, решившись, поднимает голову и смотрит Саше в глаза. – Мы с ней были очень близкими людьми... Вот!

– Да я уж понял, дед, – Саша снисходительно похлопал деда по манжете рубашки. Сашин браслет из металлических пластинок звякнул о дедову запонку. – Я и сам хотел отойти. Вы разговаривайте, я в сторонке посижу, у меня и книжка есть. Вчера, кстати новый «Дозор» на телефон скачал!

Дед улыбнулся Саше и кивнул головой, но мысли его далеко, и про книжку он уже не слышит. Саша положил цветы на скамейку рядом с дедом, а сам нашел свободную лавочку возле ларька. Он садится и неотрывно смотрит на деда, готовый в любую минуту прийти на помощь. Наконец, радио неразборчиво объявляет прибытие поезда, стоянку тридцать минут и номера вагонов с головы. Саша успокаивается: лавочку они с дедом выбрали правильно.

Поезд медленно вытягивал зеленую ленту состава вдоль платформы. Дед встал и подхватил со скамейки букет. Заскрежетали тормоза, и поезд остановился. Проводницы выстроились у своих вагонов: одна в одну куколки, юбочки, ножки, каблучки, – Саша даже засмотрелся. И, конечно, пропустил дедову знакомую. Глянул, а они уже обнимаются, и у деда плечи вздрагивают, а у Альки этой руки трясутся, просто ходуном ходят. Дед ее совсем заслонил, только руки и видны, да еще юбка по ветру плещется. Вот дед ее к лавочке подвел, сели они. Со спины только и видно. Волосы светло-русые красиво подстрижены.

– Крашенные, конечно, у нее волосы, вот бабуля уже давно волосы красит! – ревниво думает Саша. – А платье бирюзовое яркое, как у молоденькой, только с белым кружевом вокруг шеи, мама так не носит! А дед-то, дед! Руки целует без перерыва, вон, носовой платок из кармана вытащил, слезы ей вытирает. Подумаешь!

Поезд, скрипя и отдуваясь, медленно отползл назад на запасные пути. Там уже ждут два прицепных вагона – пассажирский и почтовый. Потому и стоянка такая долгая, целых полчаса. Потом поезд подойдет к перрону еще на пять минут, соберет своих пассажиров, вышедших прогуляться, и покатит по рельсам в северную столицу.

Состав, наконец, уехал, стало тише, и Саша прислушался к разговору.

– Что ты говоришь! И давно?

– Тридцать два года назад, – голос у этой Альки звонкий, молодой, а вот интонации какие-то виноватые.

– Он хороший мужик, я Валеру отлично помню! – это дед.

– Да, Алешенька, он хороший, добрый, Алика баловал, и Верочку, конечно!

– Так у тебя двое?

– Да, Алешенька, двое: мальчик и девочка.

Они помолчали.

– А директор сейчас Валька Семенов, помнишь? – дед кивнул, взял Альку за руку, поднес к губам. – Римма у него секретаршей, ушла из науки, а из института не смогла уйти. Трубников зам по науке, – голос у Альки дрогнул.

– А Гриша с Лилей?

– Давно уехали! Помнишь, у них много лет детей не было? А потом близнецы родились! Дети болели очень, Лиля уволилась, ну, и уехали они. Гриша науку забросил, в военном госпитале работает. А Фаттыхов в Казань переехал, ему там кафедру дали!

Дед, не сводя с Альки глаз, кивает.

– Алешенька, а ты помнишь зефир развесной? Мы его пополам делили, а потом ты свою половинку мне отдавал, помнишь?

– Помню, конечно! А ты помнишь, как Гриша с Михалычем за водкой ходили?

Оба смеются давней истории.

– А Михалыч как?

– Умер Михалыч, мы, все наши, и хоронили, у него ведь родных никого, детдомовец...

– Что ты говоришь! Ох, Михалыч, Михалыч, – дед опустил голову, потер висок.

– А ты как живешь, Алешенька? Про работу твою я все знаю, про звания все, статьи многие читала. А семья, дети?

– Дочка моя, Алиса, журналистка, очень интересные интервью берет, глупостей не пишет. По телевизору много выступает. Сереброва ее фамилия, это по мужу. А муж ее врач, доктор наук. Да у меня уже внуку восемнадцать лет! – дед заулыбался. – И внучка есть, отличница, в седьмом классе уже.

– Хорошо! – одобряет Алька, – Ты молодец, Алешенька, что тогда не вернулся... Зато каким человеком стал, академик, лауреат! Алик по твоему учебнику учился... – голос ее дрожит.

– Алька, а ты куда едешь? – вдруг вспоминает дед. – Ты сама или с Валерой? – он оглядывается кругом в поисках незнакомого Валеры.

– Я сама, Алешенька, я...

Загрохотала, приближаясь к платформе, электричка. Двери синхронно раскрылись и стали выпускать на перрон уставших за день людей. Стало шумно, кто-то смеялся взახлеб, заорал ребенок. Когда толпа рассеялась, и электричка, с шипением закрыв двери, отошла, Алькин поезд уже подали на посадку, и Алька с дедовым букетом в руках стояла возле своего вагона. Вокзальное радио над самой Сашиной головой громко объявило отправление поезда. Алька повернулась лицом к деду, сказала какие-то вежливые слова, улыбнулась, встав на цыпочки, положила букет на пол в тамбуре вагона, и обеими руками взялась за поручни. Дед протянул к ней руки, словно хотел поддержать, помочь влезть на высокую ступеньку. И непонятно как, совершенно спонтанно, на Сашин взгляд, они вдруг начали целоваться как подростки. Алька покрывала поцелуями дедово лицо, а он прижимал ее к себе, совсем, по мнению Саши, неприлично прижимал.

Саша вскочил со скамейки и поспешил поближе к деду, мало ли что!

Проводница в короткой форменной юбке оторопело смотрела на них, нетерпеливо переступая с ноги на ногу, но красный флажок подняла, решила, наверное, пусть люди попрощаются.

– Видно, любовь у них! – громко сказала она проводнице соседнего вагона, жадно смотревшей на деда с Алькой.

Саша даже засмеялся. Ну, какая такая любовь может быть у деда и бабки?

– Пассажирка, вы конфеты забыли, – заторопила Альку проводница, – вон, на скамейке коробка ваша, заберите!

Алька, не слушая ее, взобралась по ступенькам. Досадливо махнув желтым флажком, проводница опустила тяжелую железную подножку.

– Валера умер год назад, – сказала Алька, обернувшись. Она стояла на самом краю рядом с проводницей. Бирюзовая ее юбка трепетала на ветру как живая.

Дед ахнул, сделал шаг к вагону. Машинист дал гудок, и поезд медленно сдвинулся с места.

– Конфеты-то дорогие, пассажирка, заберите, вон, коробка какая большая! – с завистью проводила глазами скамейку другая проводница.

Дед, не глядя под ноги, шел за вагоном. Саша подхватил его под руку.

Алька, держась за поручень, высунулась из вагона.

– Моему сыну тридцать семь лет. – ровным голосом сказала она. – Он блестящий врач, давно защитил докторскую, сейчас работает в Швеции. Я еду к нему, и в Россию, наверное, больше не вернусь. Прощай, Алешенька! Вот теперь точно прощай! – Она хотела что-то еще сказать, но задохнулась, и отступила вглубь тамбура.

А дед, Сашин дед, такой сдержанный и такой невозмутимый, уверенный в себе академик, учивший маленького Сашу, что они, Барышевы, не плаксы, смотрел вслед поезду, и слезы текли у него из-под щегольских затемненных очков. Он сделал еще пару шагов, и с помощью Саши опустился на скамейку, чуть не придавив коробку с конфетами.

– А конфеты, – жалким голосом сказал дед, – конфеты она не взяла. Сказала, что самые лучшие конфеты она ела в прошлой жизни.

Дед и внук сидели на перроне до самых сумерек. Они молчали. Дед вспоминал Свердловск, а Саша думал, что за все в жизни нужно платить, и что беда приходит, когда ты меньше всего ее ожидаешь.